

Виктор Пелевин Колдун Игнат и люди

Сказочка

4 мая 1912 года к колдуну Игнату пришел в гости протоиерей Арсеникум. Пока Игнат хлопотал с самоваром, доставал пряники, гость сморкался у вешалки, долго снимал калоши, крестился и вздыхал. Потом сел на краешек табурета, достал из-под рясы папку красного картона, раскрыл и развязно сказал Игнату:

— Глянь-ка, чего я понаписал!

— Интересно, — сказал Игнат, беря первый лист, — вслух читать?

— Что ты! — испугано зашипел протоиерей. — Про себя!

Игнат стал читать:

«ОТКРОВЕНИЕ СВ. ФЕОКТИСТА»

— «Люди! — сказал св. Феоктист, потрясая узловатым посохом. — Христос явился мне, истинно так. Он велел пойти к вам и извиниться. Ничего не вышло».

— Ха-ха-ха! — засмеялся Игнат, а сам подумал: «Неспроста это». Но виду не подал.

— А есть еще? — спросил он вместо этого.

— Ага! — протоиерей дал Игнату новый листок и тот прочел:

«КАК МИХАИЛ ИВАНЫЧ С УМА СОШЕЛ И УМЕР»

«Куда бы я ни пошел, — подумал Михаил Иваныч, с удивлением садясь на диван, — везде обязательно оказывается хоть один сумасшедший. Но вот, наконец, я в одиночестве...»

«Да и потом, — продолжал Михаил Иваныч, с удивлением поворачиваясь к окну, — где бы я ни оказался, везде обязательно присутствовал хоть один мертвец. Но вот я один, слава богу...»

«Настало время, — сказал себе Михаил Иваныч, с удивлением открывая ставень, — подумать о главном...»

«Нет, точно, неспроста это», — решил Игнат, но виду опять не подал и вместо этого сказал:

— Интересно. Только не очень понятна главная мысль.

— Очень просто, — ответил протоиерей, нахально подмигивая, — дело в том, что

смерти предшествует короткое помешательство. Ведь идея смерти непереносима.

«Нет, — подумал Игнат, — что-то он определенно крутит».

— А вот еще, — весело сказал протоиерей, и Игнат прочел:

«РАССКАЗ О ТАРАКАНЕ ЖУ»

Таракан Жу негибимо движется навстречу смерти. Вот лежит яд. Нужно остановиться и повернуть в сторону.

«Успел. Смерть впереди», — отмечает таракан Жу.

Вот льется кипяток. Нужно увернуться и убежать под стол.

«Успел. Смерть впереди», — отмечает таракан Жу.

Вот в небе появляется каблук и, вырастая, несется к земле. Увернуться уже нельзя.

«Смерть», — отмечает таракан Жу.

Игнат поднял голову. Вошли какие-то мужики в овчинах, пряча за спины ржавые большие топоры.

— Дверь отпер... Понятно. То-то я думал — долго ты раздеваешься, — сказал Игнат.

Протоиерей с достоинством расправил бороду.

— Чего вам надо, а? — строго спросил Игнат мужиков.

— Вот, — стесняясь и переминаясь с ноги на ногу, отвечали мужики, — убить тебя думаем. Всем миром решили. Мир завсегда колдунов убивает.

«Мир, мир... — с грустью подумал Игнат, растворяясь в воздухе, — мир сам давно убит своими собственными колдунами».

— Тьфу ты, — сплюнул протоиерей и перекрестился. — Опять не вышло...

— Так-то разве убьешь, — сказал кто-то из мужиков, сморкаясь в рукав. — Икону надоть.

всего просмотров: 97593

Виктор Пелевин

Мост, который я хотел перейти

В одном романе Милан Кундера называется вопрос мостом понимания перекинутым

В одном романе Ганс Кундера называет вопрос мостом понимания, перекинутом от человека к человеку. Это сравнение работает в обе стороны. Вопрос похож на мост, а мост похож на вопрос, обращённый человеком ко времени и пространству — что на другой стороне? Но бывают мосты, больше похожие на ответы.

Когда мне было двенадцать лет, я каждый день садился на велосипед и ехал по шоссе к каналу, когда-то построенному эками ГУЛАГА. Дойдя до канала, шоссе перепрыгивало через него, превращаясь в мост, который держали две металлических дуги — мост был похож на лук, повёрнутый тетивой вниз. Под ним была полоса желтого речного песка, которая и была моей целью. Я строил из песка дома, которые разрушались каждый раз, когда мимо проходил речной теплоход или большая баржа. Часами лёжа на берегу, я видел отблеск солнца в стёклах с той стороны канала, далёкие деревянные заборы, пыльную зелень фруктовых садов. Странно, но я никогда не пересекал этот мост, хотя иногда хотел.

Через пятнадцать лет я снова оказался на этом шоссе — и опять на велосипеде. Я вспомнил мост, который собирался когда-то пересечь. Мысль о том, что я сделаю это сейчас, наполнила меня неожиданной радостью. Я понял: сделав это, я пересеку границу между собой нынешним и собой прошлым, и это будет значить, что тот мальчик и я — один и тот же человек. Это было бы самым настоящим алхимическим актом. Предвкушая его, я поехал медленно. Уже почти добравшись до цели, я заметил странность: шоссе расширялось и уходило вправо от того места, где лежало раньше. А потом я увидел новый бетонный мост, по которому оно теперь шло. Старый стоял в сотне метров слева — он ничуть не изменился, только участки дороги перед ним были разрушены, и с обеих сторон он обрывался в пустоту. Это было хорошим ответом.

Но у меня есть подозрение, что Лета — это не те воды, в которые мы вступаем после смерти, а река, через которую мы переплываемся при жизни. Мост у нас под ногами. Но есть ли берега? Границы, по которой я иду, я не помню. Границы, к которой приближаюсь, не вижу. Можно ли говорить, что я иду откуда-то или куда-то? И всё же меня утешает сходство жизни с прогулкой по мосту, который я отчаялся пересечь. В сущности, думаю я иногда, я ведь не делал в жизни ничего иного, а только мерил шагами этот висящий в пустоте отрезок никуда не ведущей дороги — мост, который я так хотел перейти.